

ТРАГЕДИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

ФМ.Бородкин

Говорят, что науку не делят на провинциальную и столичную. Наука - она везде наука. Теорема Пифагора одинакова и в деревне, и в городе, и в глухой Сибири, и в Московском Кремле. Но ведь и я собираюсь говорить не о трагедии науки. Есть наука как система знаний, организованное скопище символов. Но есть наука как деятельность, как занятие, как среда повседневного общения. До недавнего прошлого она еще была и источником заработка, хоть и небогатого, но достаточного для скромной жизни.

О провинциальной науке. Существует мнение, что нельзя выделить из науки нечто провинциальное и непроvincиальное. Из системы знаний - да. Но вот деятельность и общение существенно зависят от окружающей обстановки и текущей ситуации. Согласившись с этим, мы должны согласиться и с тем, что и наука в этом отношении может быть разной. Ведь и в глухую деревню по какой-то причине может приехать жить талантливейший исследователь, хорошо знакомый со всеми новейшими знаниями в своей области. Например, математик, логик могут даже стремиться пожить в тихой обстановке и в изоляции от городского шумного общества. Физику-теоретику это сделать сложнее.

А долго ли может просуществовать в такой обстановке средний социолог да еще при этом выдавая какие-нибудь нетривиальные результаты? Конечно, в процессе наблюдения, эксперимента такой подвиг возможен. Разумеется, если все, что нужно для монографии, собрано, то в благоустроенной деревне даже лучше, чем в городе. Но возможна ли длительная и плодотворная в научном отношении уединенная жизнь социолога где-нибудь вдали от научного сообщества? Банальные вопросы, не правда ли? И ответ банален: одинокий социолог быстро выдохнется. Для того, чтобы жить в ногу с научным сообществом, нужно вербальное симметричное общение с себе подобными и нужен минимум свежей и классической литературы по специальности.

Да, ответ банален. Но его банальность для тех, кто живет в благоприятной ситуации, очень уж прожективна, условна - не его эта жизнь, и не ему страдать по поводу тех, кто там - в провинции. Мы знаем многих коллег, кто переехал из провинции в столицы, и среди социологов, и среди экономистов. *Ни один из них никак не помог своим бывшим коллегам, оставшимся в провинции.* Я имею ввиду не личную помощь другу, но помощь оставшемуся (или оставленному, брошенному?) научному сообществу.

Это не обвинение, но простая констатация того, что происходило, по видимому, всегда и везде. Я, например, не уверен, что сам поступил бы иначе. Трамплин для дальнейшего движения по жизни подбросил профессионала-социолога на необходимую высоту и на новую лестницу, ведущую к новому трамплину. Но нет времени на благотворительность. Я слышал много жалоб от тех, кто уехал, на резко осложнившуюся жизнь, на обостренную конкуренцию, на недобросовестные отношения и т.д. Но ни разу ни один из жалующихся, разве что за редчайшим исключением, не вернулся обратно и не уехал в какое-нибудь иное про-

винциальное место из этих почти эстетических соображений. Все же, когда речь идет о научной среде, третьим, пятым, даже предпоследним (но - не последним) парнем в столице быть лучше, продуктивнее, чем первым парнем в провинции. Конечно, были ситуации в прошлом, когда провинция скрывала от бдительного идеологически вооруженного ока всяких неблагонамеренных. Конечно, и сейчас успешная карьера в провинции позволяет рассчитывать на продолжение успеха в столицах. Однако теперь провинция превращается в кладбище для научной деятельности, по крайней мере, в некоторых ее отраслях.

Поэтому для тех, кто обитает в провинции, банальность ответа оборачивается целым набором комплексов защитного характера - зато мы умнее, зато мы трудолюбивее, зато мы честнее, зато, в конце концов, мы гостеприимнее. Эти и подобные плексиглазовые забрала легко обнаруживаются на лицах и интеллектах исследователей-социологов, депривированных провинциальной ситуацией.

Что же привлекает социолога-исследователя в том или ином месте - стране, городе, учреждении? На мой взгляд, это возможности:

- получать или добывать разнообразную эмпирическую информацию по собственному плану и для удовлетворения своих информационных потребностей;
- слышать, узнавать о чужих идеях, результатах непосредственно от коллег и через технические информационные средства;
- самовыражения, информирования о своих достижениях широкого круга своих коллег, а не только земляков непосредственно или через разнообразные технические средства (печать, в том числе научные публикации, радио, телевидение, почта);
- общения в родственном научном сообществе, возможность непосредственного живого общения с коллегами из других подобных сообществ;
- продлить свою научную жизнь в других, молодых, быть Учителем;
- регенерации своего окружающего научного сообщества;
- зарабатывать хотя бы на скромное, но безбедное и социально-уважаемое существование, соответствующее статусу исследователя (ученого) в глазах окружающих.

Наверное, можно назвать еще не одну подобную составляющую. Но основные присутствуют в приведенном списке.

Разумеется, не все эти составляющие равноценны для оценки качества среды. Некоторые из них могут почти отсутствовать в актуальной жизни. Но среди перечисленных есть и такие, слабое присутствие которых в ситуации делает ее провинциальной по отношению к среде, содержащей все составляющие в полной мере. Кстати замечу, что с этих позиций провинциальной в смысле уровня и качества научной деятельности может оказаться и целая страна. Например, Советский Союз долгое время был провинцией по отношению ко многим странам мира, вовсе не передовым в промышленном отношении и отсталым в военном, в генетике, в экономической науке, в социологии и еще во многих других научных областях.

Какие же составляющие делают социологию либо столичной, либо провинциальной? Отвечая на этот вопрос, я рискну сразу же приводить цифры и примеры, но только относительно моего непосредственного окружения, то есть относительно Института экономики и организации промышленного производства СО РАН и Новосибирского государственного университета. Подчеркну, что я имею ввиду исключительно социологию и современную ситуацию. Может быть, даже наверняка многие не согласятся со мной. Вполне возможно, что в некоторых городах вблизи Москвы ситуация действительно иная. Некоторыми социологами их ситуация по причинам личностно-психологическим может оцениваться иначе. Я не настаиваю

ваю на истинности своих оценок, если угодно, и я защищаюсь как провинциал в социологии. Пусть все, что я пытаюсь сказать, рассматривается в качестве выражения, артикуляции моего собственного комплекса. И все же в прошлом, 10-15 лет назад многое выглядело совершенно иначе и не только потому, что мы были моложе.

Итак, составляющие, реализация которых и определяет уровень провинциальности ситуации для социолога.

Очевидно, что на первый план выходят возможности добывать профессиональную информацию, регулярно знакомиться с чужими идеями и результатами, возможности самовыражения и общения в своем сообществе.

Что мы имеем для реализации этих возможностей вдалеке от Москвы в наше время?

В канувшей в лету советской науке обследования проводились преимущественно за счет средств, выделяемых Академией наук, отраслевыми министерствами, иногда - отдельными предприятиями и организациями. Денег вполне хватало для того, чтобы, например, в Сибири каждый год проводить локальные социологические обследования то в одних, то в других регионах, а раз в пять лет - практически на всей территории Сибири одновременно. Обследования проводились в форме экспедиций. Добывалось огромное количество информации, на базе которой публиковались монографии, защищались многие диссертации, писались многочисленные записки в разнообразные руководящие адреса.

Сейчас это просто немыслимо. Одно весьма скромное социологическое исследование с репрезентативным обследованием (анкета приблизительно на 60 вопросов) через интервьюеров примерно на 500 респондентов от начала (разработка анкеты) до конца (написание аналитической записки) обходится сейчас не менее, чем в 30 млн. рублей. Таких денег академия дать не может. О предприятиях и организациях в Новосибирске, имеющих такие деньги и одновременно желающих потратить их на некие довольно абстрактные для них цели, и речи нет. Лишь некоторым наиболее изворотливым исследователям удается осуществлять такие обследования, пристраиваясь к чужим задачам, к чужим целям, чужим деньгам, иногда зарубежным. Российский гуманитарный фонд абсолютно не способен на поддержку подобных исследований. Денег, которые он платит (об этом речь впереди), едва хватает на вялые размышления в перерывах между энергичными поисками средств.

Конкуренция в поиске средств стала очень острой. При этом явно заметно, что субъекты, располагающие деньгами, предпочитают иметь дело с теми же акторами, с которыми они взаимодействовали и десять, и двадцать лет назад. Это предпочтение связано не с профессионализмом, не с качеством результатов, а скорее с интуитивным доверием.

А как в Москве, хочу спросить я? Насколько мне известно, продолжают все-российские репрезентативные обследования, которые, конечно, очень дорогие. Огромное количество информации постоянно качается разнообразными фондами. На нас время от времени набегают социологические коммивояжеры с анкетами и своими предложениями продать-купить наш труд.

Я не собираюсь настаивать на том, чтобы из Новосибирска организовывались всероссийские обследования, но определенно считаю, что исследования в сибирских регионах могли бы быть организованы непосредственно в Сибири, если бы средства на них не перехватывались регулярно в Москве. И опять же - я не ищу возможности принять по этому поводу какие-то меры. Я констатирую факты сложившейся сегодня ситуации. Информированность столичных социологов о социальной ситуации в регионах становится лучше, чем региональных социологических автохтонов.

О знакомстве с чужими идеями и результатами.

Пути такого знакомства ясны: научная литература, конференции, семинары, непосредственные встречи.

У нас с научной литературой в институте и университете дела обстоят очень плохо. Трудно поверить, но в институтской библиотеке зарегистрировано всего около 2600 книг, отнесенных к рубрике "Социология". В библиотеке есть около 200 штук (а не названий) журналов по социологии. Аналогичная рубрика в университете насчитывает около 2000 названий, включая методички и другие подобные мелочи. Конечно, я уверен, что в личных библиотеках наших социологов гораздо больше литературы. Но ведь не у всех. Что делать входящему в социологию молодому человеку? Где искать книги тому, кто их не может купить ввиду их дикой цены? Не приходится говорить о трудах классиков социологии за исключением марксистской школы. Для работы в серьезной библиотеке (ближайшая из них - в Москве) нужны деньги, которыми теперь новосибирские социологи не располагают. Только билет на самолет туда и обратно стоит сейчас 1,5 миллиона рублей. Гостиницы меньше, чем за 100 тысяч рублей в сутки, не найдешь. За свой счет ни один социолог не сможет посидеть две недели в хорошей московской библиотеке даже раз в году - зарплата социолога сейчас меньше 600 тысяч в месяц. Многие просят денег у зарубежных фондов, да немногим эти фонды дают. Вспомните те, кто забыл, сравните те, кто уже знает. Билет на самолет до Новосибирска стоил в последнее время перед ценовым взрывом чуть больше 60 руб. Заработная плата доктора наук заведующего отделом была около 600 руб. в месяц. Сейчас доктор наук заведующий отделом получает, если платят, на руки около миллиона, то есть в полтора раза меньше, чем проезд в Москву и обратно.

Региональные конференции и семинары остались в прошлом. Проблема та же - деньги. Можно сказать, все коммуникации стали настолько дороги, что бывшие связи разорвались, и социологи разбрелись в своих научных пространствах по одному с протянутыми руками и все более иссушающимися из-за отсутствия информации мозгами.

Распад, разрыв связей даже в местных сообществах, поиск средств привели к обострению конкуренции. Каждому автору свои идеи стали очень дороги, а чужие - сверхпривлекательны. Это привело к появлению ранее неизвестных барьеров в общении с коллегами, даже среди тех, кто давно знаком друг с другом. Наверное, то же происходит и в столице. Разница же заключается в том, что количество сообществ, несравненно большее в столице, чем в любом провинциальном городе, переходит в качество. Социолог, не нашедший своих в одном сообществе, может сравнительно быстро обнаружить другое, но свое сообщество. Социолог очень зависим от непосредственного профессионального окружения. Ему необходима не только критика, но и доброжелательная психологическая поддержка, которую чрезвычайно трудно найти в высококонкурентной провинциальной среде, где даже количество конкурентов очень ограничено и где все долго помнят друг о друге все. Надо учесть и то обстоятельство, что в социологии сейчас, как и в народной медицине, астрологии, экстрасенсизме специалистом в глазах заказчика может стать всякий, выучивший десяток-полтора терминов и умеющий их складывать в бессвязные фразы. Доля таких специалистов, по-видимому, везде примерно одинакова, но в столице им противостоят более мощные ряды профессионалов и культурных средств подавления и защиты.

Возможности регенерации сообщества и продления своей научной жизни в учениках не слишком важны. Вряд ли их отсутствие решительно загоняет социологию в провинциальный угол. Но если бы они осуществлялись, социологам вне столиц было бы жить легче. Как обстоят дела у нас? Коллектив стареет в среднем почти на

год каждый год. Сейчас в отделе социальных проблем 32 сотрудника. За десять лет - падение численности почти в два раза. Конечно, ушли в основном наиболее энергичные люди среднего возраста. Из оставшихся в возрасте до 30 лет - семеро, между 30 и 45 - 9 человек, от 45 до 55 - 10 и старше 55 лет - 6 человек. Почти симметричное распределение. Пополнение медленное и с обычными в этих случаях особенностями - молодые женщины, имеющие особенность уходить в длительные декретные отпуска. Мужского пополнения совсем нет. И в университете наше отделение называют отделением невест. Не на всех курсах есть по два мальчика. За три года существования отделения выпущено 77 специалистов. Из них в сфере, связанной с социологической деятельностью, осталось не более 20. Из этих двадцати в институт и в университет пришли четверо. Шесть уехали доучиваться за пределы России, и вряд ли все они вернутся обратно. В целом молодые люди, возможные для нас сменщики, перекачиваются в Москву и за границу.

В Новосибирске сейчас довольно много высших учебных заведений, в которых в том или ином виде преподаются социологические дисциплины. Но все эти места не для академических социологов. Причины две. Во-первых, как я отметил, конкуренция высока, предложение значительно превышает платежеспособный (т.е. дающий заработок) спрос. Во-вторых, транспортные связи настолько плохи, что разные концы города оказываются взаимно изолированными. Проезд же на маршрутных такси и особенно на такси не всем по карману.

И наконец, возможность заработать хотя бы на скромную жизнь занятием социологией. Я утверждаю, что в Новосибирске это невозможно. Да, социологи-профессионалы потихоньку торгуют. Они берутся почти за любую работу, которая даст хоть небольшой навар, будь то действительно торговля товарами (например, на дому) или любые обследования. Социологи нашего института поддерживаются разнообразными фондами. Почти каждый научный сотрудник имеет какой-нибудь грант - отечественный или иностранный. Заработок, эквивалентный 200 долларам в месяц, считается большим успехом. Российский гуманитарный научный фонд очень скромен в своей поддержке. В нашем отделе в прошлом году было 7 грантов из этого фонда на общую сумму меньше 80 млн. руб за год. В среднем на одного сотрудника около 200 тыс. руб. в месяц, если всю сумму обратить в заработную плату, или реально - не более 100 тыс. руб. При этом надо учесть существенно более высокие цены на все в Новосибирске по сравнению с Москвой.

Все вместе взятое делает занятие социологией в провинции не просто малопривлекательным, но невозможным для активных и инициативных молодых людей. В социологии все больше сосредотачиваются вторые члены семьи, лица предпенсионного возраста, те, кому некуда больше деваться или кто может позволить себе роскошь удовлетворения своей любознательности.

Получается, что провинциальная социология - резерват, наполненный тихо вымирающими особями преимущественно женского пола. Это особенно относится к теоретической и академической социологии. Со временем прикладные исследования поднимутся, умножатся. Если экономика России все-таки встанет на ноги, социологические обследования (но не исследования) ей будут нужны. Академические же социологические упражнения, занятия теорией во все большей степени будут сосредотачиваться в столицах.

Можно ли чем-нибудь помочь провинциальной социологии? Я думаю, что нет. Процесс отмирания того, что мы ранее рассматривали как занятие социологией, мне представляется совершенно естественным. Нищее государство, жадные и малограмотные предприниматели, бросившиеся в первую очередь устраивать свою личную жизнь подобно изголодавшимся в блокаде людям, не могут содержать отряды

исследователей, работающих на абстрактные для их нужд цели. То, что происходит, надо квалифицировать как личную трагедию тех, кто посвятил себя профессии социолога и другого делать не может или не хочет. О вспомоществовании именно этим людям и надо говорить. Их не очень много, им можно помочь, если действовать целенаправленно. Загляните в готовящуюся сейчас книгу-справочник о российских социологах. Вы обнаружите, что сейчас на всю Россию около полутысячи более или менее известных профессионалов-социологов. Значительная часть из них уже немолода, уже не очень нуждается в помощи на перспективу. "Иных уж нет, а те - далече". Многие способны обеспечить себя сами. Большое количество ведущих социологов живет в столицах. Таких, кому действительно надо помочь работать и жить, обнаружится на всю Россию не более полутора сотен. Возможно, надо образовать общественный комитет или фонд помощи провинциальным социологам и действовать совершенно адресно и по мероприятиям - точно. Может быть, надо часть столичных заказов переадресовать достойным в провинцию. Несомненно, следует организовать поездки ведущих социологов из столицы по провинциальным университетам. Надо прямо сказать, что в провинции есть серьезные трудности с квалифицированными преподавательскими кадрами. Зачастую социологические дисциплины преподаются отнюдь не специалистами. Можно и всерьез нужно финансировать дистанционное обучение, записывая курсы лекций лучших столичных преподавателей на видеокассеты. Надо создать фонд для формирования хороших библиотек по социологии на русском, английском и немецком языках для провинциальных университетов. Словом, нужно разработать специальную программу поддержки провинциальной социологии.

При любом успехе такой программы парадного шествия социологии по провинции не получится. Нельзя ожидать в будущем повсеместного возрождения массовой академической социологии. Теоретических и методологических центров все равно и через десятилетия будет немного. И сейчас нет смысла гадать, где они будут развиваться. Жизнь сама определит, где будут столицы социологии.